

О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова
Екатеринбург, Россия

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ АКТУАЛЬНЫХ СЛОВ: ЛЕКСЕМЫ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

АННОТАЦИЯ. Феномен терроризма сделался неотъемлемой частью общественно-политического и научного дискурса. При этом у соответствующего термина отсутствует четкое определение. Актуальная идеология и связанные с ней понятия эксплицируются в словах текущего момента, или актуальных словах, или словах-хронофактах. В последнее время в этом качестве активизировались слова «экстремизм» и «терроризм», семантические вариации которых рассматриваются на примере материалов СМИ. Семантически эти лексемы связаны: в международном праве о терроризме говорится как об одном из проявлений экстремизма. При нетерминологическом использовании эти лексемы часто включаются в состав сочинительного словосочетания, что приводит к прагматическому эффекту, поскольку употребление имен отрицательной семантики в однородном ряду приводит к усилению отрицательных смыслов. В толковых словарях рассматриваемые слова имеют аналогичные дефиниции и предстают однозначными.

Как ключевым словам текущего момента, единицам «экстремизм» и «терроризм» присущи определенные черты. В газетах они часто занимают центральную позицию, т. е. оказываются в заголовках. Эти лексемы регулярно включаются в предложения-дефinitionи. Кроме того, рассматриваемым словам свойственна словообразовательная активность. У слова «терроризм» сформировалось богатое словообразовательное гнездо, включающее дериваты разных частей речи. Слово «экстремизм» обладает меньшей словообразовательной активностью. Для лексем «экстремизм» и «терроризм» характерно расширение сочетаемости. Нейтрализуется семантический признак 'деятельность, направленная на физическое и моральное уничтожение человека', актуализируется признак 'крайняя степень'. Терроризм представляется не только как физическое действие, а как речевое сообщение, содержащее угрозу о возможном террористическом акте. Источником терроризма могут быть вербальные средства, которые оказывают сильное воздействие на человека. Кроме того, изменяется сфера функционирования слов. Они употребляются по отношению не только к политике, но и к другим общественным сферам. У значений этих слов появляются новые оттенки: экстремизм — «поведение личности, выходящее за рамки обычного; действия, не соответствующие норме», терроризм — «психологическое подавление противника».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: актуальная лексика; лексикология; политический дискурс; идеологема; ключевые слова текущего момента.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Михайлова Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: oamih@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Михайлова Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский институт экономики, управления и права; адрес: 620026, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 194; e-mail: JMikhailova@yandex.ru.

Феномен терроризма стал сегодня чрезвычайно злободневной и популярной темой научных исследований и неотъемлемой частью общественно-политического дискурса. Проблематике террора и терроризма посвящено множество работ в различных областях социальных и гуманистических наук [см., например: Ермаков 2000; Ермаков 2004; Никулина 2007; Гладковская 2006; Петухов 2007; Грачев 2009; Квасов 2009; Глинчевский 2011; Коломийцева 2012; Замолодская 2013 и др.]. Однако существует определенный парадокс: терроризм является одной из наиболее актуальных мировых социально-политических проблем, но при этом наблюдается терминологическая неопределенность этого понятия, так как исследуется прежде всего сам феномен, а не способы его репрезентации и концептуализации в социально значимых дискурсах, публичной сфере и в области повседневного общения.

Изучение феноменов актуальной идеологии и связанных с ними понятий, выявление закономерностей семантического развития лексики во времени — важная задача для современной лингвистики, ориентированной на сферу коммуникации. К разряду единиц, наиболее ярко фикси-

рующих состояние эпохи, относятся так называемые актуальные слова, «ключевые слова текущего момента» [Шмелева 1993], «слова-хронофакты» [Фомина 1995], т. е. такие единицы, которые в определенный отрезок времени приобретают важное значение, отображая общественно значимые понятия, и благодаря своей актуальной семантике становятся сигналами социального времени, источником информации о политической, экономической и культурной жизни общества. Сфера употребления актуальных слов обширна — от важнейших средств массовой информации (пресса, радио, телевидение) до повседневного разговора.

В основе актуальности слова могут лежать разные причины, но для социально значимых понятий это, прежде всего, причины внеязыковые: «каждый "текущий момент" выдвигает в центр общественного сознания фрагмент слова-ря, заключающий в себе понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно» [Шмелева 1993: 34]. Ключевое слово неразрывно связано с типичными обстоятельствами, в которых это ментальное образование актуализируется. Общественно-политическая ситуация новейшего времени

обусловила активизацию слов *экстремизм* и *терроризм*, поскольку проблема экстремизма и терроризма по своему месту в «рейтинге опасности» опередила другие мировые проблемы. По данным экспертов из университета Мэриленда, которые ведут базу данных по совершенным терактам, произошедшим в мире с 1970-го года (<http://www.start.umd.edu/gtd/>), за 43 года в мире произошло более 113 000 террористических актов. В 2013 г. число терактов превысило на 44% количество терактов, совершенных в 2012 г., а число смертей в результате актов терроризма выросло на 61% за этот же период, следует из доклада Института экономики и мира. Будучи остройшим вызовом современному миру, экстремизм и терроризм стал предметом активного обсуждения политологов, публицистов, журналистов, военных и государственных деятелей. Следствием активизации в социальном сознании указанных феноменов является актуализация соответствующих слов, при этом особый статус слова оказывает влияние на его собственно языковую жизнь.

Лексемы *экстремизм* и *терроризм* семантически связаны: в международном праве о терроризме говорится как об одном из проявлений экстремизма. Кроме того, в речи эти единицы часто включаются в состав сочинительного словосочетания, что имеет прагматический эффект, поскольку употребление имен отрицательной семантики в однородном ряду приводит к усилению отрицательных смыслов. Ср.: *Экстремизмом и терроризмом* за границей занимаются отдельные подразделения (Братишка; 15.08.2006); *Экстремизм и терроризм, к сожалению, один из основных политических институтов на Северном Кавказе* (Ведомости; 29.12.2010); *Экстремизм и терроризм* классифицируются как зло, с которым необходимо бороться силовыми методами (Власть (Москва); 31.12.2009); *Мы много говорим об экстремизме и терроризме* (Вечерняя Москва; 16.12.2010); Тема *терроризма и экстремизма* в Татарстане, судя по всему, еще долго не покинет повестку дня (<http://tatcenter.ru/article/132885/>); *Насильственный экстремизм и терроризм* — это серьезная проблема, которая касается всего мира (Российская газета, 20.02.2015). Семантическая близость и контекстуальная смежность лексем *терроризм* и *экстремизм* обусловили выбор этих слов в качестве материала исследования. Ключевое слово неразрывно связано с типичными обстоятельствами, в которых это ментальное образование актуализируется. В этом смысле они являются индикаторами социокультурных норм и отношений.

Во всех толковых словарях анализируемые слова имеют аналогичные дефиниции и представлены как однозначные: *Экстремизм* [от латин. *extremus* — крайний] (книжн.) — 'склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущ. в политике'. В специальных словарях [Большой Юридический словарь 2006; Современный политологический словарь 2000] *экстремизм* определяется как деятельность, направленная на физическое и моральное уничтожение человека, а также нарушающая права, свободы и законные

интересы человека и гражданина. Следствием и проявлением экстремизма является терроризм, так как именно терроризм, особенно в политике, является крайней мерой для достижения кем-либо своих целей. *Терроризм* — ' осуществление террора; деятельность и тактика террористов'. Мотивирующая основа *террор* по данным современных словарей полисемантична: 1. Наиболее острая форма борьбы против политических и классовых противников с применением насилия вплоть до физического уничтожения. 2. Перен. Чрезмерная жестокость в отношении к кому-либо; воспитание методом строгого наказания и запугивания'. Во вторичном значении слова теряется идеологическая семантика, происходит расширение значения и слово выходит за пределы общественно-политической сферы. Однако лексемы *экстремизм* и *терроризм* в языковой системе сохраняют только политическую семантику.

В соответствии с лингвистическими параметрами, выявленными Т. В. Шмелевой [Шмелева 1993] и позднее проверенными ею при анализе слова *кризис* [Шмелева 2009], слова *экстремизм* и *терроризм* в полной мере могут быть включены в класс ключевых и актуальных слов сегодняшнего времени по трем аспектам — текстовому, лексическому и грамматическому. Так, они обладают высокой частотностью употребления, которая постоянно растет. Ср. данные за один месяц (апрель) в ресурсе *Integrum*: со словом *экстремизм* в 2010 г. — 76633 контекста, в 2011 г. — 87520, в 2012 г. — 96993, в 2013 г. — 100004, в 2014 г. — 111163; со словом *терроризм* в 2010 г. — 254645, в 2011 г. — 272756, в 2012 г. — 288792, в 2013 г. — 302885, в 2014 г. — 322616 контекстов.

Лексемы *экстремизм* и *терроризм* в газетных текстах нередко занимают центральную позицию, которую представляют собой заголовки: *СК проверит губернатора Кубани на экстремизм* (<http://www.zagolovki.ru>) *Экстремизм как средство самовыражения* (Вечерняя Москва, 23.06.1998); *Портрет Путина — это экстремизм* (*vitki.org*); *Терроризм — это личное* (New York Times, 30.11.2008); *Семейный терроризм?* (Новая газета, 11.02.2011); *Рейсовый терроризм* (Ведомости, 31.03.2010); *Вместе против терроризма* (Граница России, 01.01.2012).

Попадая в центр общественного внимания, лексемы *экстремизм* и *терроризм* используются в качестве имени собственного (онима): *«Осторожно. Экстремизм»* — книга Александра Верховского и Маргариты Ледовских; *«Террор»* — роман Дэна Симмонса; *«Террор»* — фильм Ф. Копполы; *«Терроризм. Война без правил»* — роман А. Щербакова, *«Лубянка. Обыкновенный терроризм»* — документальный сериал режиссера Ю. Зайцева.

Текстовой аспект существования ключевого слова проявляется и в типовых высказываниях X — это... Лексемы *экстремизм* и *терроризм* регулярно включаются в предложения-дефиниции, например: *Экстремизм — это «конфликт», на решение которого направлены все ресурсы общества* (agul.etnosmi.ru); *Экстремизм — это то же самое, что и антисоветская деятельность* (newsland.com); *Экстремизм — это страшилка, призванная оправдать отсутствие демократии* (km.ru); *Экстремизм — это проявление болезни*

общества («Весть» (Калуга), 11.21.2002); Экстремизмом можно назвать всякую крайность, лишенную нравственного начала, крайность на уровне безнравственности (ekstremizm.ru); Терроризм — это идеология устрашения, которое в первую очередь осуществляется через СМИ (Ведомости, 23.04.2010); Терроризм — это американский инструмент (Правая, 14.10.2011).

К числу значимых признаков актуального слова относится его словообразовательная активность. При выдвижении слова в ранг ключевых наблюдается активизация всех его грамматических потенций, что проявляется в возникновении новых форм. Чем чаще употребляется слово в речи, тем более широкие возможности открываются у него для образования производных единиц. Расширение словообразовательных связей и деривационная активность наблюдаются в последние годы и у слова *терроризм*.

Словообразовательное гнездо с исходным словом *террор*, в котором представлено 13 производных единиц [Тихонов 1985], обогатилось новыми дериватами разных частей речи. В современных СМИ появились сложные существительные, обозначающие разновидности терроризма: *Публикацию научной статьи о возбудителе так называемого птичьего гриппа решили отложить из-за опасений, связанных с биотерроризмом* (Медновости, 22.11.2011); *Взлом сайтов произошел спустя всего несколько дней после того, как японские власти приняли решение к 2003 году улучшить компьютерную безопасность в стране до уровня стандартов США и начать реализацию рассчитанного до конца 2010 года плана борьбы с «кибер-терроризмом* (Коммерсантъ, 28.01.2000); существительные с уменьшительным суффиксом, подчеркивающие факт омоложения возраста преступников: *Юный террористик проявил свой талант и в таком сложном деле* (Волгоградская правда, 23.04.2005); *Маленькие террористики с мыслями коротенькими-коротенькими, как у Буратино* (Щит и меч, 13.03.2003); *Ну да, ночью маленькие террористики пойдут спатеньки...* (Октябрь, 15.12.2009).

Параллельно с прилагательным *террористический* активно используется новое прилагательное — *террористичный*: *Призыв, внимая рассудку, держаться подальше — это одно, а утверждение, что либо ты с властью, либо ты террористичный предатель, — это уже несколько другое* (Эксперт, 05.05.2008). И у обоих прилагательных развивается качественное значение, позволяющее образовать краткую форму и степени сравнения: *Москва сегодня очень террористична* (Брянский рабочий, 09.07.1999); *По вашим нынешним представлениям, он был еще террористичнее* (Голос Народа, 14.05.2008); *В прошлом году эта страна уже заняла первое место как самое террористическое государство планеты* (Метро, 05.08.2011).

Частотным является также глагол *терроризировать* и его приставочный дериват *затерроризировать* с грамматическим значением, 'высокая степень действия и его результативность': *Хамское поведение животных, свободно разгуливающих по улицам китайского городка и тер-*

роризирующих жителей (МЕТРО, 07.12. 2007.); Однако уже через пару дней *постояльцы, затерроризированные «потусторонними силами*, покинули замок-отель (Коммерческая недвижимость, 01.08.2008.). Как видно из контекстов, глаголы семантически соотносятся со вторым значением мотивирующей основы *террор* 'чрезмерно жестокое отношение к кому-л.', не имеющим политической семы. Об этом свидетельствует семантика субъекта действия: в первом высказывании — *животные*, во втором — *потусторонние силы*. По наблюдениям Л. В. Балашовой, в современных жаргонах и сленге достаточно регулярно используется глагол *терроризнуть* 'попросить, выпросить, заставить кого-либо дать что-либо' [Балашова 2011].

Меньшей словообразовательной активностью обладает слово *экстремизм*: в СМИ встречается лишь разговорная лексема *экстремистка*: *В Бишкеке задержали работающую в школе-гимназии экстремистку* (Новости Кыргызстана, 20.11.2014); *В прокуратуре сказали, что я вовсе не похожа на экстремистку* (Несекретно, Пермь, 01.09.2014), а в интернете встретилось окказиональное употребление *экстремиста и буду экстремать!* Вместе с тем прослеживаются изменения словообразовательных связей лексемы *экстремизм* под влиянием внутренней формы. Лексема *экстремизм* этимологически восходит к латинскому *extremus* — 'крайний', как и прилагательное *экстремальный* — 'выходящий из рамок обычного, чрезвычайный (по сложности, трудности, опасности и т. п.)', которое не имеет идеологического компонента, в словарях дается как стилистически ограниченное книжной или специальной сферами употребления, но в речевой практике вышло за их пределы и в последнее время стало частотным. По данным русских словарей этимологически близкие слова *экстремизм* и *экстремальный* входят в разные словообразовательные гнезда (*экстремал*, *экстремальный*, *экстремальность* и *экстремист*, *экстремизм*, *экстремистский*), однако в массовой коммуникации сегодня они употребляются как однокоренные: *Какое понятие вы вкладываете в слово "экстремизм"?* — *Это политика экстремального решения* [ruscorpora.ru]; *Именно из-за того / что ваххабиты вошли в Чечню / то есть ортодоксальный / экстремальный ислам вошел в Чечню / он нарушил принцип кровной мести в Чечни / которой там наверняка не было порядка 150—200 лет / она сдерживалась* [ruscorpora.ru]; *Но чеченский ислам с точки зрения ортодоксального экстремального ислама / чрезвычайная ересь* [ruscorpora.ru].

Таким образом, деполитизация семантики родственных слов может служить благоприятным фактором для расширения значения существительных *экстремизм* и *терроризм* в речевом употреблении: деривационно-семантические связи открывают для него такие возможности.

Одним из главных и обязательных признаков актуального слова является изменение синтагматических отношений лексемы. Целенаправленное использование языковых средств в массовой коммуникации может формировать новые представления о терроризме и экстремизме. Анализ

складывающихся «сочетаемостных привычек» [Шмелева 1993] показал, что в синтагматике слов *экстремизм* и *терроризм* наблюдаются одинаковые тенденции, обусловленные расширением сочетаемости лексем.

Во-первых, наблюдается нейтрализация семантического признака 'деятельность, направленная на физическое и моральное уничтожение человека' и актуальным становится признак 'крайняя степень': *Его политические суждения всегда отличались резкостью, порой даже экстремизмом* (БОСС, 15.01.2001); *Пончик и даже оладью можно назвать пышкой, хотя в случае с оладьей это уже, пожалуй, языковой экстремизм* [ruscorgora.ru]; *Я ушел с проекта, потому что, гоняясь за экстремальностью, организаторы ушли в экстремизм, — говорит Виктор Ерофеев* (Вечерняя Москва, 26.09.2008); *Поэтому есть соблазн незаметно подмигнуть этим ребятам, но остаться в стороне и посетовать на их экстремизм: мол, ваше возмущение понятно, но вы уж слишком* (Ведомости, 25.01.2011); *Допущу определенный экстремизм и скажу, что Зурабов — самый коррумпированный министр России* (БОСС, 15.11.2006); *Во времена всеобщей лжи говорить правду — это экстремизм* (Джордж Оруэлл). В приведенных контекстах характеризуемые как экстремизм действия входят в семантические поля «интеллектуальной деятельности» и «кречевой деятельности», о чем говорят контекстуальные партнеры *политические суждения, возмущение, посетовать, скажу, проект, можно назвать, языковой, говорить*.

Терроризм также представляется не только как физическое действие, а как речевое сообщение, содержащее угрозу о возможном террористическом акте. Источником терроризма могут быть вербальные средства, которые оказывают сильное воздействие на человека. Для утверждения *самости народа вовсе не требуется лингвистический терроризм* (Эксперт, 28.10.2011); *Оскорбление по национальному признаку, что, на его взгляд, является также признаком «морального терроризма»* (Известия, 06.10.2008). На отсутствие какого-либо физического действия указывают и следующие контексты: *Москву захлестнула волна телефонного терроризма* (Известия, 05.12.2010); *В Госдуму внесен законопроект, ужесточающий наказание за телефонный терроризм* (Известия, 26.09.2011); *Главный санитарный врач отвечал ему обвинениями в информационном терроризме* (Коммерсантъ, 14.02.2011). Телефонный терроризм становится каналом передачи речевых сообщений, несущих угрозу объекту. Таким образом, происходит семантический сдвиг в значении, в фокус попадает угроза. В подобных случаях в лексеме *терроризм* появляется сема 'воздействие, направленное на подавление противника', и можно говорить, на наш взгляд, о развитии нового оттенка значения «психологическое подавление противника».

Во-вторых, изменяется сфера функционирования слов. Это уже не только политика, но и любая другая сфера жизни общества, будь то спорт, искусство, образование, экономика или даже внутренний мир человека. В следующем примере —

Кстати, никто и не ожидал никаких взрывов экстремизма от Сен-Лорана, зато старичок всегда показывает класс (Вечерняя Москва, 01.02.2001) — имя французского модельера маркирует сферу употребления слова — это мир высокой моды. Ср. также: ... в Кремле неожиданный налоговый экстремизм вице-премьера вызывает обратную реакцию (Известия, 10.04. 2003); Отсюда «экстремизм» конструкторов, их стремление в максимальной степени использовать имеющиеся в распоряжении передовые технологии (Вестник авиации и космонавтики, 09.08.2000); Это такой сатирический кампусовый роман об университетских нравах и комичных проявлениях литературоведческого экстремизма (Афиша; 06.12.2004); И это сближение не поверхностное — эстетический экстремизм такого градуса и такого качества («Безумной прихоти певца»), отличавший обоих в их современности и коренившийся в историческом отчаянии... (С. Г. Бочаров. Литературная теория Константина Леонтьева); В Екатеринбурге появился туристический экстремизм (Новый регион, 03.15.2006). Экстремизм не только распространяется на все сферы жизни человека, но и затрагивает его личное, интеллектуально-духовное пространство: Мы не приемлем дилетантизма и интеллектуального экстремизма (Власть, 21.01.2004); Мировоззренческий экстремизм в различных своих формах (Вестник Мэра и Правительства Москвы, 16.12.2002); Религиозная экспансия или духовный экстремизм? (Вестник образования, 30.09.2009); Потребительский терроризм и экстремизм (http://kasko-vse.ru/potrebiteischiy_terrorizm). В молодежном жаргоне экстремизм — это определение всякой острой ситуации: Крайние куски — это же экстремизм, в них больше всего паразитов, правильно? (Сергей Осипов. Страсти по Фоме).

Терроризм как явление также существует в самых разных социальных сферах: семья, школа, медицина, экономика, политика, власть. Например: Ко мне обратились жильцы дома 14 по Селигерской улице: «Корреспондент, напиши про эту страшную напасть XXI века — зеуковой терроризм!» (Вечерняя Москва, 12.07.2011); Она сама позвонила туда в поисках пристанища и защиты от домашнего терроризма (Липецкая газета, 02.03.2012); Семейный терроризм — редкость для России; В качестве примера «бытового терроризма» С. Суховеев привел женщину, которая пыталась многочисленными ложными сообщениями отомстить своему бывшему мужу (РБК, Санкт-Петербург, 04.02.2011). Исполнителями и жертвами терроризма в бытовой сфере являются родственники, близкие друг другу люди, соседи, при этом методы воздействия могут быть как физические, так и вербальные.

Опираясь на семантику определений-прилагательных, можно выделить сферы проявления терроризма, связанные с профессиональной деятельностью. Например: Во всей стране процветает медицинский терроризм (Ветеран, 17.08.2010); Список лиц, причастных к экономическому терроризму (Новые известия, 14.02. 2011); В России за последние два-три года на

смену так называемому «**школьному терроризму**» пришли ложные сообщения о взрывных устройствах, которые делаются из «бытовых, меркантильных интересов» (РБК, Санкт-Петербург, 04.02.2011); Футбол давно уже стал частью большой политики. Россию решили проверить на **футбольный терроризм** (РБК Daily, 02.06.2008); Все понимают, что гораздо хуже **законодательный терроризм** (Московская правда, 08.02.2011). Примеры свидетельствуют о проникновении терроризма во все сферы жизни, о его широком распространении, о том, что терроризм является способом достижения не только политических целей.

Из-за регулярности террористических актов в метро, в общественном транспорте, в самолетах, а также взрывов личных автомобилей политических и государственных деятелей выделяется особая сфера транспортного терроризма: **Транспортный терроризм** в новом фильме Тони Скотта (Коммерсантъ, 31.08.2009).

Употребление лексем **экстремизм** и **терроризм** в известной мере обусловливается, как нам кажется, категориями идентичности и чуждости, сводимыми к оппозиции свой/чужой, ср.: *Социальной базой экстремизма выступают группы...* (Власть, 29.11.2001). Идентификация себя в социальном пространстве проявляется в том, что какое-либо лицо очерчивает «свой круг», ограничивая себя от другого по какому-либо идентификационному фактору, при этом противопоставление свой/чужой создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании [Михайлова 2004]. Ограничение «своего круга» и, как следствие, проявление экстремизма по отношению к «чужим» осуществляется по разным основаниям — этнической, социальной или гендерной принадлежности, возрасту, профессии и др. В соответствии с этой матрицей признаков экстремизм также дифференцируется, ср.: «*Меджлис* отвергает любые формы экстремизма — политического, национального, религиозного (АиФ, 06.07.1999). Приведем примеры из СМИ.

Спонтанный всплеск **католического экстремизма** отразил затаенное неприятие предшествующей королевской политики (Вокруг света, 15.01.2003); ...весьма заметную роль сыграл **религиозный экстремизм...** (Pro et Contra, 15.09.2000); Господствующая религия (в случае России — православное христианство) лишена выраженного экстремизма (Pro et Contra, 15.07.2012); При этом круг обсуждаемых вопросов во многом ограничен мерами по противодействию **мусульманскому экстремизму...** (Большой Бизнес, 08.07.2005); В середине девяностых там поднялась очередная волна **исламского экстремизма** (Афиша, 26.11.2010). Государственный мультикультурализм порождает **исламский терроризм** (Известия, 06.10.2011). Чаще всего терроризм связывают с восточными культурами, с исламом. Однако контексты показывают, что сейчас терроризм характерен и для европейской культуры, и для христианства: Оказалось, что **европейский терроризм** ничем не лучше, не гуманнее **терроризма азиатского, исламского** (Комсомольская правда, 17.08.2011); **Христианские террористы** (Российская газета,

25.09.2010).

Таким образом, современный экстремизм и терроризм не имеют конкретного места, они возникают и проявляются везде и всюду, существуют в разных сферах деятельности, расширяются до границ государства и пересекают границы.

Экстремизм и терроризм различаются по национальному признаку: *Борется с налоговиками и с кавказским экстремизмом...* (Афиша, 20.08.2001); ...связано с разгулом бандитизма и коррупции, а теперь еще и чеченским экстремизмом... (Братишка, 15.02.2004); Говоря об исламском и христианском, китайском, индийском, российском экстремизме... (Власть, 25.12.2000). **Иракский терроризм** не менее опасен (Ведомости, 23.12.2009). **Кавказский терроризм** имеет в основе не традиционные для региона формы ислама (Вестник Европы, 18.09.2010); ...и борьбы с «джихадским» терроризмом (Дагестанская правда, 07.10.2009); Название — калька с впечатлившего Ван Сэнта документального фильма о **североирландском терроризме** (Известия, 14.05.2011); Костенко объяснил феномен **украинского терроризма** (Ведомости, 28.12.2010).

Основанием идентичности для проявления экстремизма нередко становится гендерный фактор: *Чисто женский экстремизм* (Вечерняя Москва, 06.04.1999); *Гендерный экстремизм среди мужчин* (Ведомости, 19.01.2012). Ведь есть же опыт проживания одного мужчины со многими женщинами в мусульманских семьях / где ради счастья детей женщины мирятся и не проявляют свой **женский экстремизм** и жадность / простите за грубость (ruscorgroga.ru).

Важное место в идентификационной матрице личности занимает возрастная (поколенческая) идентичность, лежащая в основе экстремизма: *Порой, правда, творят себе кумиров на час, но быстро опоминаются (болезни подросткового экстремизма) сознательно «вывожу за скобки»* (Вечерняя Москва, 17.07.2008); Конечно, по звуку, по течению мысли, по взгляду на жизнь (если не считать его **старческий экстремизм**) мне ближе Толстой (Вопросы литературы, 14.07.2002); Ради лучшей профилактики **молодежного экстремизма**, полагает единоросс Михаил Гришанков... (Ведомости, 19.07.2010); Неокрепшую **молодежь** привлекает в граффити **художественный экстремизм**, выражаящийся в конфликте с обществом (Вечерняя Москва; 07.03.1998).

Расширение семантики анализируемых слов происходит и за счет исключения семы включенного объекта [Михайлова 1998], изменения объекта насилия и разрушения. В современном мире объектом терроризма и экстремизма является не столько политический враг (противник), как отмечено в [Ожегов, Шведова 1992], и не широкие народные массы, которые указаны в [Толковый... 2005], сколько обобщенный, неконкретизированный объект. Неопределенность объекта, его всеобщий характер концентрированно выражены в следующем контексте: *Просто это такой анархический терроризм против всех и всего: против государства, против существующей власти, против страны* (Ведомости, 16.05.2011).

Расширение синтагматических связей лексем **экстремизм** и **терроризм** приводит к расширению

нию и самих понятий. Сейчас экстремизм и терроризм связаны не только с политической сферой, но практически со всеми сферами повседневности. Объектом экстремизма и терроризма в современном мире становится обычновенный человек. Изменение сочетаемостных связей привело к модификации первичных значений лексем *экстремизм* и *терроризм*. Можно говорить о появлении нового оттенка значения у слова *экстремизм* — «поведение личности, выходящее за рамки обычного; действия, не соответствующие норме», а у слова *терроризм* — «психологическое подавление противника».

Семантическая трансформация слов, которые называют волнующие людей явления, сопровождается общей тенденцией утраты четкого значения и приобретения ими эмоциональной оценки, навязываемой читателям СМИ. По словам З. Е. Фоминой, «семантическое содержание слов-хронофактов составляют главным образом экспликации какой-либо эмоции говорящего, возникающей в связи с фактом квалификации той или иной реалии окружающего мира» [Фомина 1995: 210].

Границы понятий *экстремизм* и *терроризм* размываются до такой степени, что соответствующие лексемы обозначают не преступление, а любое действие, поступок, совершаемые теми, кто не принадлежит к «своему кругу», является «чужим». При этом актуализируется оценочная семантика, и коннотация подавляет денотативное значение. Подобное явление отметил Джордж Оруэлл в связи со словом *фашизм*, которое в современном употреблении «не имеет собственного значения, а всего лишь подразумевает "что-то нежелательное"» [Оруэлл 2006: 286].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л. В. Прецедентные феномены политического дискурса в современных русских социолектах // Политическая лингвистика, 2011, №4 (38). С. 34—43.
2. Большой Юридический словарь / под ред. Сухарева А. Я. — М. : Инфра-М, 2006.
3. Гладковская Е. С. Журналистский дискурс терроризма (сравнительный анализ публикаций в качественной прессе России и США): дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.
4. Глинчевский Э. И. Вербализация концепта "международный терроризм" в русском и английском языках: на материале медиатекстов: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007.
5. Грачёв Г. В. Роль языковых средств в формировании представлений о терроризме: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2011.
6. Ермаков И. П. Политический экстремизм и религия // Власть. 2001. № 12. С. 58—60.
7. Ермаков С. М. Понятийные аспекты терроризма. — М. : Юнити, 2004.
8. Замолодская О. М. Социально-философский анализ истории понятия "террор/терроризм": автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 2013.
9. Квасов О. Н. Террористический дискурс в начале XX и XXI веков // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №1. С. 206—209.
10. Коломийцева О. Ю. Номинативные поля с семантическими центрами «терроризм» и «террористы» в газетном дискурсе ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2012.
11. Михайлова О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург, 2004. С. 15—26.
12. Михайлова О. А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998.
13. Никулина И. В. Проблема терроризма в дискурсе СМИ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Нижний Новгород, 2007.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азъ, 1992.
15. Оруэлл Дж. Политика и английский язык // Политическая лингвистика. Вып. 20. — Екатеринбург, 2006. С. 280-294.
16. Петухов В. Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. — М. : ЛКИ, 2007.
17. Современный политологический словарь / В. И. Даниленко — М. : Nota Bene, 2000.
18. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. — М. : Русский язык, 1985. Т. 2.
19. Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия / под редакцией Г. Н. Скляревской — М. : ACT, 2005.
20. Фомина З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // Языки и эмоции. — Волгоград: Переямена, 1995. С. 207—215.
21. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33—41.
22. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. Вып. 28. — Екатеринбург, 2009. С. 63—68.

O. A. Mikhailova, Y. N. Mikhailova
Ekaterinburg, Russia

SEMANTIC VARIATIONS OF URGENT VOCABULARY: LEXEMES EKSTREMIZM AND TERRORISM IN MODERN RUSSIAN

ABSTRACT. The phenomenon of terrorism has become an integral part of socio-political and scientific discourse. Still there is no clear cut definition of this term. Urgent ideology and the notions connected with it are explicated in the words of the present time, or urgent words, or chrono-words. The Russian words "ekstremizm" and "terrorizm" have been actively used recently as such words; semantic variations of these words are studied in the given article on the material of mass media texts. These lexemes are semantically close to each other: international law treats terrorism as a manifestation of extremism. In non-terminological usage, these lexemes are often included in coordinating phrases, which produces a pragmatic effect, because the use of words with negative meanings in a homogeneous sequence brings about intensification of the negative semantics. In explanatory dictionaries the words under study have similar definitions and are referred to as close in meaning.

As words of the present time, the units "ekstremizm" and "terrorizm" possess certain characteristic features. In papers, they often occupy the key position, i.e. they are found in headlines. These lexemes are often included in sentences-definitions. What is more, the words under consideration display high word-building activity. The word "terrorizm" has developed a rich word-building paradigm, including derivatives in various parts of speech. The word-building activity of the lexeme "ekstremizm" is not so high. The lexemes "ekstremizm" and "terrorizm" are characterized by expanding combinability. The semantic mark "activity aimed at physical and moral destruction of a person" is neutralized, and the semantic property of "the highest degree" is actualized. Terrorism is presented not only as a physical action, but also as a speech communication, containing a threat of a possible terroristic act. Verbal means, which have a strong impact upon a person, can be a source of terrorism. Above all, the sphere of functioning of these words is also changing. They are being used not only in relation to politics, but to other social spheres as well. The meanings of these words develop new shades: with "ekstremizm" these are "person's unconventional behavior; actions not conforming to the norm" and with "terrorizm" — "psychological suppression of the opponent".

KEY WORDS: topical vocabulary; lexicology; political discourse; ideologeme; key words of the present time.

ABOUT THE AUTHOR: Mikhaylova Olga Alekseyevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Mikhaylova Yulia Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural Institute of Economics, Management and Law, Ekaterinburg, Russia.

LITERATURE

1. Balashova L. V. Pretdedentnye fenomeny politicheskogo diskursa v sovremennoy russkikh sotsiolek-takh // Politicheskaya lingvistika, 2011, №4 (38). S. 34—43.
2. Bol'shoy Yuridicheskiy slovar' / pod red. Sukhareva A. Ya. — M. : Infra-M, 2006.
3. Gladkovskaya E. S. Zhurnalistskiy diskurs terrorizma (sравнительный анализ публикаций в печати Франции и России) / dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2006.
4. Glinchevskiy E. I. Verbalizatsiya kontsepta "mezhdunarodnyy terrorizm" v russkom i angliyskom yazy-kakh: na materiale mediatekstov: dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2007.
5. Grachev G. V. Rol' yazykovykh sredstv v formirovaniy predstavleniy o terrorizme: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2011.
6. Ermakov I. P. Politicheskiy ekstremizm i religiya // Vlast'. 2001. № 12. S. 58—60.
7. Ermakov S. M. Pomyatiynye aspekty terrorizma. — M. : Yuniti. 2004.
8. Zamolodskaya O. M. Sotsial'no-filosofskiy analiz istorii pomyatiya "terror/terrorizm": avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. — M., 2013.
9. Kvasov O. N. Terroristicheskiy diskurs v nachale XX i XXI vekov // Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2009. №1. S. 206—209.
10. Kolomiytseva O. Yu. Nominativnye polya s semanticeskimi tsentralskimi «terrorizm» i «terroristy» v gazetnom diskurse FRG: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Samara, 2012.
11. Mikhaylova O. A. Tolerantnost' v rechevoy kommunikatsii: kognitivnye, pragmaticske i eticheskie osnovaniya // Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii / Otv. red. N. A. Kupina, O. A. Mikhaylova. — Ekaterinburg, 2004. S. 15—26.
12. Mikhaylova O. A. Ogranicheniya v leksicheskoy semantike: Semasiologicheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural, un-ta, 1998.
13. Nikulina I. V. Problema terrorizma v diskurse SMI: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. — Nizhniy Novgorod, 2007.
14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M. : Az", 1992.
15. Oruell Dzh. Politika i angliyskiy yazyk // Politicheskaya lingvistika. Vyp. 20. — Ekaterinburg, 2006. S. 280-294.
16. Petukhov V. B. Informatsionnyy diskurs terrorizma v kontekste khudozhestvennoy refleksii. — M. : LKI, 2007.
17. Sovremennyy politicheskiy slovar' / V. I. Dailenko — M. : Nota Bene, 2000.
18. Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka. — M. : Russkiy yazyk, 1985. T. 2.
19. Tolkovyy slovar' sovremennoy russkogo yazyka: Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya / pod redaktsiey G. N. Sklyarevskoy — M. : AST, 2005.
20. Fomina Z. E. Slova-khronofakty v yazyke politicheskikh tekstov // Yazyk i emotsii. — Volgograd: Peremena, 1995. S. 207—215.
21. Shmeleva T. V. Klyuchevye slova tekushchego momenta // Collegium. 1993. No 1. S. 33—41.
22. Shmeleva T. V. Krizis kak klyuchevoe slovo tekushchego momenta // Politicheskaya lingvistika. Vyp. 28. — Ekaterinburg, 2009. S. 63—68.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.